

Родился в городе Кемерово. Учился в Кемеровском музыкальном училище, служил в армии, был литсотрудником многотиражных газет, сплавлял лес по сибирским рекам, работал и жил на Чукотке, в Средней Азии, на Алтае. Окончил Высшие литературные курсы (1987). Входил в состав редакции альманаха «Литературный Кузбасс». Автор книг стихов: «На земле светло» (1977), «Дом» (1983), «Травяное окно» (1983), «Пора кучевых облаков» (1989), «Хлеб исканий» (1993), «Избранные стихи» (1997).

Николай 1948 – 1998

КОЛМОГОРОВ

✧

Однажды в детстве в час, когда метель
вошла во двор, всё белым застилая,
и привиденьем стала наша ель,
и под навес забились птичья стая...
И в комнатах вдруг сделалось темно,
и ринулись гурьбою к окнам дети,
и я ещё не знал, что всё на свете
давным-давно до нас преддрешено...
Предчувствием какой-то вечной силы,
неведомой для детского ума,
на возгласе

уста перехватило –
поэзия явилась, как зима!..
А снег валил, но реже, реже, реже.
И кончился.

Пахнуло тишиной.
Разъяснилось! Морозный, гулкий, свежий,
предстал простор с высокою луной.
Куда ни глянь – повсюду обновление.
И совершился тот переворот,
когда великой тайной сотворенья
открылся мир, доверился, зовёт!
И сросток звёзд в непостижимой тверди
мерцает колко над березняком...
И трепет слов о жизни и о смерти
бежит по сердцу сладким холодком.

1978

6

✧

Не спеши, о зелёное лето,
столь недолгое в нашем краю!
Лопуха благородная лепка
мне напомнила чашу твою.
Наклоняясь, приник без опаски,
различив отраженье лица,
и живительной влаги, как в сказке,
весь глоток

замахнул до конца!
Если это не вихри очнулись,
кто извлёк мою душу из тьмы?
И, как к глухонемому, вернулись
речь и слух после мёртвой зимы.
Под морозами спины сутуля,
мы намёрзлись на родине так,
что до самой середины июля
нам ещё не согреться никак.
Но услышал я милую гостью –
за оврагом кукушку в кустах,
и увидел, как белою гроздью
дозревают дожди в небесах.
Где трепещет осинник у взгорья
и смолою текут кедрачи,
в грудь ударило воздухом поля,
будто от раскалённой печи!..

1978

✂

Проснёшься утром... Что откуда,
спросонок сразу не поймёшь.
Стоит холодная посуда,
и по столу струится нож.
Надолго инеем крошечным
зарос большой квадрат стекла.
Ни о каком событии внешнем
ещё и речь не потекла.
И мысли первые случайны,
и вьюги плавающий звук.
В углу на ниточке молчанья
озябший лепится паук.

1971

✂

Осень. Дождь ли спросонок вздохнёт
или небо курлычет где-то...
Или бешеный ветер в дугу согнёт
над полями забытый луч света,
и опять я увижу течение дней,
красоту всей земли просторной,
где усталые люди везут с полей
урожая жар рукотворный...
Я подумаю: это пора ветров!
Это время раздумий!.. Слышу –
вот из бездны больших вечеров
листопад осыпает крышу.
А когда в вышине огонь
догорает, понятный лишь глазу,
торопливо прячу лицо в ладонь –
не могу опомниться сразу...

1975

✂

Отчётливо, как никогда доньше,
увижу вновь январскую тайгу,
Сибирь мою и снегирей в полыни,
и лёд ручья, мерцающий в логу,
домишки, спящие о трёх больших дорогах,
невесть куда пробитых внутрь зимы,
ребят под пологом пространства белолобых
и их родителей в горячей дрёме тьмы...
Как спят они, как разбросали руки!
Им снится лес, грибные вечера.
Но стужей окна скованы. И звуки
ночные не доходят со двора.
Прогнулись кровли. Из-под толщи снега
черты села видны и не видны.
Колодцами созвездий меркнет небо,
вытягивая длинные дымы...

1973

✂

В. Крёкову

Зима летит! И долго в вышине
клубящиеся горы носит ветер.
Обвалы одуванчиков небесных
на этот город валятся с утра.
Вокруг бело, и нет ещё тропинок,
когда, по другу вновь затосковав,
иду к нему в далёкое заречье,
минуя мост, течение, дамбу, свет
облепленных кустов, канав, обочин...
Взбираюсь по горбатым переулкам,
но шапку обронил и съехал вниз,
где свадьбу на соседней улице играют
и пляшут гости, высыпав на двор...
И вот, намаявшись, хоть выжимай рубаху,
знакомый дом по ставням нахожу.
Он весь зарос щетиною малины,
крыжовником и рябью снегирей.
Чу! Россыпью вспорхнули эти птицы!
Стучу с разбега красным кулаком
в кривую дверь и, как в каменоломню,
с порога – в низкий сумрак захожу.
Меня товарищ мой по-братски обнимает.
Он прям, как звездочёт, и головою
почти достал белёный потолок.
На ржавой печке дребезжит, вскипая, чайник,
и вкусен пар картофелин варёных,
и мы за стол садимся не спеша...
Уютно здесь, в жилище неказистом!
И радостно, что есть на свете дом,
куда легко прийти, буробя первопуток,
и первый снег стряхнуть с воротника.
Начало той поры великолепной,
когда свежо, когда встают всей толщей реки,
сегодня вновь мы дружески отметим
за музыкой и чтением стихов.
И у окна, где нестерпимо ярок
огромный косогор, заполнивший всё сердце
сквозным столпотвореньем тополей,
в какой-то миг охватит нас молчанье
и дух скует на несколько минут
видением земли преображённой!..

1977

Графика Василия Кривчука

В ОТРОЧЕСТВЕ

*

За воротами – сумерек страхи
и тайга обступает вокруг!
Как видение чёрной рубахи,
взмывший ворон берёт на испуг.
Что там, что по-за крайней избою?
Это лошади смутным пятном
стабунились, и красной горою
свет вечерний угас над селом.
Жутко выйти, душа обмирает:
всё враждебно, всё зыблется мглой!
Но какая-то тайна толкает
за разгадкой своей мировой.
И сначала дорога, а после
узкий волок, что глушит шаги,
поднимается к дальним покосам
под увалы, останцы, белки...
Выше, выше! До вечного снега,
до ребристого камня вершин!
Дотянуться ладонью до неба –
это ли не причина причин?

1978

Снова ты в этом мире! Мокрые вздохи деревьев –
видно, совсем недавно тёплый прошёл дождь!
Птицы не гомонят, а на полях за деревней,
как буруны перекаатов, журчит созревшая рожь.
А в небесах светло, будто за облаками
души давно забытых взгрустнули едва-едва
о голубой земле, которую ты руками
ласково обнимаешь, пока бормочет листва.
Снова ты в этом мире, где паровозик строчит
шов поворота и – вверх кувывается дым,
где оживает сад и под горой ворочает
яблоневые кусты, полные голубым...
Непобедима жизнь! Бронза и мякоть плода!
Эти плоды ешь, эти дожди пей!
И запрокинь лицо перед рекой небосвода,
и говори с улыбкой: лей, моё небо, лей!..

1973

*
когда осенняя любовь
сравнима лишь с шуршащим
и легкомысленная кровь
интересов козлами интересом,
и шуршащий металл и земли
и горю ошарашивать дождем
и горю город до зари
молить о нежности глазами,
лицо мобильной воскрешать,
и возле и рубки и телефонной,
молчаливые снушен, молчаливо
в халатной пазухе оконной...
8
1971.